

Н. БЕРДЯЕВ

Открытое письмо архиепископу Антонию

Ваше Высокопреосвященство!

Открытое письмо Ваше авторам сборника «Вехи» прочел я с глубоким волнением, и непреодолимая потребность повелевает мне, Владыко, высказать то, что я подумал и почувствовал, прочитав Ваше приветствие. Подобно товарищу моему по «Вехам» П. Б. Струве, почуял я, что Вашим обращением к нам открылась возможность общения, снялась бывшая между нами непреодолимая преграда.

Сложными и извилистыми путями пришел я к вере Христовой и к Церкви Христовой, которую ныне почитаю своей духовной матерью. Но я не забыл тех препятствий, которые стояли на пути моем, мне забыть не позволяет участие тех, которые не могут преодолеть препятствий. Церковная действительность, мерзость запустения на месте святом давит, как тяжелый кошмар, ищущих Бога и правды Божией. Многие усумнились в святости самого места из любви к правде и из суровой требовательности к служителям Бога, на словах произносящих имя Христа и совершающих дела, противные Христу. Ведь все знают и все согласны в том, что дела Христовы — дела любви. Не соблазнительно ли, что лагерь, официально христианский, исповедующий правую веру и потому имеющий перед другими столь безмерное преимущество, вместо дел любви совершает дела ненависти и злобы? Люди слабы, их религиозная воля разбита соблазнами и искушениями, и трудно им выдержать самый страшный из соблазнов, отвращающих от веры, — духовный упадок и нравственное разложение Церкви в ее человеческой, исторической, эмпирической стороне (в божественной, мистической стороне Церковь незыблема и хранит вечную истину). Но горе тем, через которых такой соблазн входит в мир! Дела злобы и ненависти не так вменяются людям, во Христа не

верящим и завет любви отвергшим, как людям, во Христа ве-
рящим и завет любви принявшим. Исповедание правой веры
обязывает, налагает исключительную ответственность, неведомую
наивным язычникам. Я глубоко и мучительно пережил
вину нашего атеистического общества, испытал последствия
этой вины, познал тайну соблазнов. Я получил право и сознал
обязанность обличать ложь, которой живет наша интеллигенция.
Все мы, авторы «Вех», исполнили свой долг, как умели,
обратившись к той интеллигенции, с которой идейно связаны в
своем прошлом и для которой хотим лучшего будущего. Но
вряд ли кто-нибудь из нас перестал чувствовать, что есть тяж-
кая вина и грех с другой стороны, в том лагере, который обла-
дает преимуществом внешней силы и может быть гонителем,
на словах же имеет преимущество исповедания правой веры.
Церковь Христова была сильна христианскими мучениками и
святыми, они показали миру возможность победы над миром,
силу Божией правды в безбожном мире. Ныне Церковь ослаб-
лена христианскими мучителями, злобой служителей Церкви,
отдавшихся силам этого мира и потерявшими веру в силу Божи-
ей правды. И сколько сил духовных в ужасе ушло из Церкви!
Покаяться должны все, все стороны и все лагери, все ненави-
девшие и злобствовавшие, все изменившие завету любви. Тогда
только настанет для русского общества духовная весна, весна
любви придет на смену холодной взаимной ненависти и злобы.

Русская революция, нигилистическая и атеистическая по
своей идейной основе, напоила Россию злобой, отравила кровь
русского народа классовой и сословной ненавистью и духовной
враждой. Но не большей ли еще злобой дышит и реакция? Не
проливает ли она и не насиливает ли она души с большей влас-
тью? «Союз русского народа»¹ — весь злоба, весь ненависть,
дела его страшны и соблазнительны, он поддерживает братоубий-
ственную рознь в русском народе и обществе, всего более
препятствует религиозному возрождению нашей родины. И воз-
можно ли вынести соблазнительное оправдание иерархами
Церкви этой злобной, братоубийственной, антихристианской
«политики»? Почему делами любви и духом любви не отстаивают
правой веры? Почему в силу правды Божией не верят, а в
силу государственную, силу материальную верят? Почему к
силам мира сего призывают для защиты того, что не от мира
сего? Все эти вопросы терзают христианскую совесть. Мы с
ужасом видим, что государственная принудительная сила Церкви
связана с религиозной, духовной ее слабостью. Можно ли
угашение духа остановить мерами насилия? Мы видим, что

господствующее, для души навязанное и душу принуждающее положение Православной Церкви в русском государстве привело к упадку веры, к росту сектантства в народе и неверия в обществе, к широкому распространению лицемерия и лжи. Плодов же духовных, мы, к горю своему, не видим. Наша церковная иерархия во всем привыкла полагаться на внешнюю принудительную силу, внутренняя же сила духовных даров почти иссякла в ней.

На веру Христову повсюду в мире начинается духовное гонение, повсюду князь мира сего, по видимости, торжествует победу. Но по пророчествам христианским Церкви и не обещано господствующему, властвующему над миром положения. Гонению на Христа и Его дело должно противопоставить лишь силу духовную, лишь силу веры в правду Божию, хотя бы миром поруганную. Мученики, а не мучители могут свидетельствовать о Христе. Мучители же могут свидетельствовать лишь о князе мира сего. Я сознаю, Владыко, как легко потерять веру в человека и в человеческое общество. Но нет такой степени неверия в человека и в человечество, которая уже несовместима с верой в Богочеловека, в Соединившего Бога и Человечество, в Спасителя мира. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего Единородного»². Самую крайнюю степень неверия в человечество я вижу у К. Леонтьева, гениального русского мыслителя, глубоко мною чтимого. Но у него это неверие в человечество, это безбожное отношение к миру приняло характер антихристианский, демонический, отвергающий любовь³. Для Леонтьева, как и для всех потерявших веру в образ Божий в человеке, христианство не есть религия любви, и Христос был Бог, но не был человек, что противно православному вероучению. Абсолютное неверие в человека ведет к тому, что правду Божию хотят охранять насилием, принуждением, т. е. неправдой, Христом осужденной. Возможно ли насильственное спасение и нужно ли оно, угодно ли оно Господу? Возможно ли насилие в делах веры христианской, делах совести, которая должна нести бремя свободы? Вспомним, Владыко, как гениально говорил о бремени христианской свободы Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе». Не есть ли свобода христианской совести долг, обязанность, возложенное Господом бремя, а не право, как обычно утверждают? Новый Завет Бога с человеком есть завет любви и свободы, и насильственное спасение, по новозаветной вере, невозможно и не нужно.

Те, которые не верят в человечество и его земную судьбу, те принуждены смотреть на христианство как на религию немно-

гих избранников, «которые написаны у Агнца в книге жизни»⁴. Но тогда дело в качествах, а не в количествах. Церковь же, желающая властвовать на земле с помощью государства, заинтересована в количествах, в массах. По вере нашей Церкви Христовой не одолеют врата адова, и потому страх за Церковь, охрана Церкви мерами насилия религиозно непонятны и соблазнительны. И пессимистическое и оптимистическое отношение к земной судьбе человечества не может оправдать насилия над совестью, принуждения в вере. Православная Церковь держится и прославляется св. Серафимом Саровским и ему подобными, а нужна ли для явления св. Серафима, для ослепительно белой любви и благодатности вся насильственная церковная политика, помощь меча государственного в преследованиях и гонениях? В Церкви угнетенной, гонимой явилось бы несколько Серафимов и силой Божией правды победили бы человеческую неправду. Мы устали слышать от материалистов, что лишь материальной силой можно что-нибудь в мире создать и отстоять.

Пусть государство в мирских делах прибегает к необходимым мерам принуждения. Греховный, отпавший от Бога мир не может существовать без принудительной государственности, всегда относительной, подлежащей историческому развитию. Христианин должен сознавать, что «начальник не напрасно носит меч»⁵ в мире, погруженном еще в язычество. Но Церковь Христова держится на вере в правду распятую, а не силу распинающую. Почему же в христианской истории и церковной действительности сила распинающая побеждает правду распятую? Почему казнь перестала быть символом христианского мученичества и стала символом христианского мучительства? Зловещие тени официальной церковности мучат нас и многим из нас мешают войти в Церковь. Мы жаждем услышать голос Церкви, ответ не человеческий, а божеский на все эти вопросы. Где голос Церкви, Владыко, голос Вселенской Церкви Христовой, которой я во всем подчиняюсь и во имя которой от всего откажусь? Что стало с преданием соборности, хранящимся в нашей Церкви? Голос Церкви заглушен голосами человеческими, искажен властолюбием и корыстолюбием человеческим. Мы возвращаемся на родину нашего духа, в лоно Церкви Христовой, и нас встречает благожелательное приветствие Вашего Высокопреосвященства, виднейшего епископа русской Церкви. Это приветствие дорогое тем из нас, которые по вере своей принадлежат к Церкви. Но христианская совесть наша не позволяет нам примириться с той мерзостью

запустения, которую мы на родине застали, в которой виновны и за которую ответственны. Наша христианская совесть не только не мирится, но принуждает нас религиозно бороться с превращением христианской веры в орудие мирской политики, со смертными казнями в христианском государстве⁶, с оправданием этих казней служителями религии распятой, страдающей правды, с насилием над совестью, с оправданием духа злобы и дел злобы там, где, по Завету Спасителя, должны быть любовь и свобода.

Если мы, отдельные личности, и победили соблазны церковной действительности, то мы не возгордились этим и всегда помним, что многим братьям нашим победить это слишком трудно, что для малых сих соблазны эти страшны. Религиозно важно облегчить широким слоям русской интеллигенции возвращение в лоно Церкви, а для этого недостаточно обличать и вразумлять интеллигенцию, не она ведь одна во всем виновата. По прекрасным словам Вашим, Владыко, многие души русской интеллигенции попались в дьявольские сети даром, без всякой корысти. Суровее следовало бы отнести к корыстным и продавшимся, но официально пребывающим в Церкви, приобщающимся на земле, но не приобщающимся у Бога (слова св. Серафима). Высокопреосвященный Владыко! Я счастлив, да и не один, если наше слабое литературное слово заставляет переменить Ваше отношение к русскому интеллигентному обществу. В Вашем обращении к нам уже послышались звуки любви, а не вражды. Любить же нам заповедано и врагов. Да послужит это новое общение между нами делу Христову на земле, возрождению Церкви Христовой, а не «политике», не «Союзу русского народа», не делам зла и насилия.

Верю, что победа Церкви Христовой в мире есть победа правды распятой и страдающей над силой распинающей и мучающей. Сила же распинающая и мучающая в церковной и государственной действительности есть соблазн еврейского царства, соблазн, желавший видеть Христа не в образе раба, распятого на кресте, а в образе царя сильного и внешне могучего. Это тот же соблазн, что и в социализме, в марксизме. Мы же града своего не имеем. Правда Христова, правда, распятая вне всякой «политики», она не реакционная и не революционная, не «правая» и не «левая», она не от мира сего, и ее власть над миром сим есть власть любви и свободы. Где Христос, там побеждают дела любви, и нет Христа в делах злобы и насилия.

Простите, Владыко, что я так откровенно и решительно высказал Вам свои недоумения. И верьте мне ради Христа, что

в словах моих не было ни одной капли «политики». В словах моих сказалась жажда освобождения веры от «политики». Поручаю себя Вашим молитвам и испрашиваю Вашего благословения, Владыко.

(Московский еженедельник. 1909.
№ 32. 15 (28) августа. С. 39—46)

